

— Вы из Белгорода? — спрашивал экзаменатор по «начерталке», прочтя его фамилию в зачётке, вписывая «отл» и расписываясь, добавил неожиданно: — Весной двадцатипятилетие Победы, пригласите меня летом в гости.

Испачканный мелом классический синий костюм, чуть заметный лоснящийся контур пачки «Беломора», неизменно носимой в правом кармане пиджака, стройная педантичная последовательность изложения лекционного материала с использованием фанерных, увеличенных до смешного линейек, треугольников, транспортиров и прочих инструментов для черчения на доске,— таким запомнился студенту преподаватель начертательной геометрии немец Рудольф Миллер.

Минуло много лет, студент превратился в угрюмого деда, которого, как было уже не раз, попросили посидеть с внуками пару часов. После ухода их родителей он выключил телик с мультиками, отобрал у малышей гаджеты и объявил, что разрешит недолго попользоваться планшетом и мобильниками только после того, как каждый из них нарисует по пять картинок форматом в пол-листа писчей бумаги, желательно с объяснением, что там изображено. Мечтательные двойняшки-второклассники и юркий дошкольник согласились, при условии, что дедон гибон (так звали они его между собой) не будет подсматривать, что и как они малюют.

Выбрав из готовых понравившийся ему рисунок с белой козочкой, дедон поведал подопечным «весьма занятную историю-быль о реальной козе, которую в своё время, гораздо более пространно, не поленился изложить на бумаге».

Двадцать четвёртого октября 1941 года наши войска оставили город Белгород, где жили его мать, старшие брат и сестра, оказавшиеся в оккупации. Отец был на фронте. При «новом порядке» незамедлительно были срублены все уличные кусты и деревья, а в центре Базарной площади гестаповские палачи установили виселицу. Время перевели на немецкое — на один час назад, переименовали улицы, обрушили монументы вождей — бронзовую фигуру Ленина и верхнюю часть бетонной статуи Сталина. Главным застенком гестапо стал подвал аптеки № 8. На той же улице устроена комендатура, куда выстраивается длинная очередь из местных с доносами на коммунистов, комсомольцев, евреев и жён командиров. Рядом жандармерия, куда объявлением в новой газете «Восход», заменившей «Белгородскую правду», приглашены желающие «работать здоровые мужчины, в возрасте от 20 до 40 лет, ростом не менее 168 см».

Городской парк стал местом расстрелов. Военнопленных содержали в лагерях на улицах Комсомольской и

Белгород в оккупации. Виселица на Базарной площади

Фрунзе. На Комсомольской ежедневно умирали от голода, избиений и расстрелов тут же, во дворе домов № 6 и № 8, несколько десятков человек. Умерших складывали на повозки, впрягали по двадцать военнопленных и под конвоем вывозили за город и в Дальний парк, орошая кровью расстрелянных дорожную

колею с розоватыми, наверное, от вечернего солнца, вечными лужицами. В феврале 1942-го у камышитового завода оккупанты расстреляли и сожгли в камышитовых сараях облитых керосином две тысячи белгородцев.

На заборах и столбах белели и желтели объявления, каждый абзац которых заканчивался словами «уклоняющиеся будут расстреляны», приказывающие в соответствии с профессией прибыть на восстановление мыловаренного и сахарного заводов, медучреждений, а также в немецкий театр и оркестр ефрейтора Штаблера при кинематографе «Орион». Для получения «правильного» немецкого образования открылись начальная школа и гимназия.

Мать с детьми перебралась в пригородное село, где жили родственники, и за еду помогала прачкам, работавшим при немецком летнем госпитале. Хозяйственное мыло надо было иметь своё. За ним, в обмен на мёрзлую картошку или овощи с полей, ходили на базар в город.

Однажды весенним утром, в один из базарных дней (среда, пятница или воскресенье), мать пришла в город с котомкой, где лежали лепёшки из толчёного зерна сгоревшего элеватора и мелкие куски варёной конины (редкая добыча с убитой при бомбёжке лошади). Возле огороженного колючей проволокой загона с пленными и заложниками, просящими у редких мимо идущих перебросить хотя бы кусочек чего-либо съедобного, зашла за щит, обозначавший полосу вдоль ограждения загона запретной зоной. Часовой выстрелил без предупреждения, пуля попала в голень. Кто-то из односельчан на двухколёсной тачке отвёз её к своим. Доктор из немецкого госпиталя, который она обстирывала, сделал операцию.

В два часа тридцать минут пятого июля 1943 года упреждающей артиллерийской контрподготовкой Центрального фронта Красной Армии перед решающим наступлением немцев, именуемым операция «Цитадель», начиналась битва на Курской дуге.

Селяне в то время прятались от обстрелов и бомбёжек в погребах и оврагах за полем, плодородный чернозём которого немец увозил в Германию.

Вскоре наши войска перешли в контрнаступление. После поражения в жесточайших сражениях на Курской дуге

и окончательного провала операции «Цитадель», гитлеровцы покидали крутые белые меловые горы, давшие имя городу, уходя чернозёмными равнинами в южном направлении, противоположном «походу на Москву». Под непрерывным артобстрелом через село брели разбитые части вермахта. Эвакуировался немецкий госпиталь. Уходя, немцы часто взрывали хаты, погреба и оставляли мины-ловушки. Мать, передвигавшаяся с трудом на самодельных костылях, не могла уйти далеко за село, в более безопасное место, и хоронилась с детьми в погребе под сараем. С ней остались её невестка Дашка по прозвищу «Солнышко моё» с двумя своими подростками, Нюрка «с приветом» и общая кормилица — коза-резвушка Белка. После редкого и недолгого затишья слышали они приближающиеся уханья глухих взрывов.

— У фрицев нынче поговорка: «Прощай, яйки, прощай, брод, до свиданья, Белгорód».

— Это на нашем боку («боками» называли две единственные в селе улицы, тянувшиеся по противоположным берегам речки) что-то взрывают?

— Не дай Господь, погреба.

Взвизгнул угольный шлак, рассыпанный в сарае, чуть приоткрытая лядя (крышка погреба) откинулась настежь, пшикнув облачком пыли. Наверху кто-то плохо различимый, стоя на одной ноге, согнул другую в колене, выдёргивая из-за голенища «колотушку» (гранату с длинной ручкой). Деревенская дурочка Нюрка, сбросив валенки, босиком невесомо вознеслась по ступенькам лестницы, держа в вытянутой руке кружку с только что надоенным козьим молоком:

— Герр офицер, млеко, млеко!

Возникший в проёме ефрейтор с грязным потным лицом провёл тёплым лучом фонарика по восковым лицам в платках до бровей, принял дар и пил не отрываясь, по-детски омочив подбородок и ворот. Сапог с широким голенищем захлопнул ляду, мигнув пирамидками подошвенных гвоздей:

— Gut, матка!

Долгую тишину нарушили явственный шум дождя и близкий раскат грома, заглушивший грохот взрыва фугасной авиабомбы за селом в районе оврагов.

Почти двухлетний ад оккупации закончился пятого августа 1943 года. Белгород, разрушенный и почти безлюдный, был очищен от врага. Освободителей встречали немногочисленные белгородцы, возникавшие из подвалов, землянок и нор под руинами. Вечером того же дня Москва салютовала

**Белгородцы возвращаются
в освобождённый город. 1943 год**

добрестным воинам, освободившим Орёл и Белгород. С того дня салюты в честь побед Красной Армии стали традиционными, а Орёл и Белгород стали называться городами первого салюта.

Прибыв домой после зимней сессии на короткие каникулы, студент сообщил родителям просьбу преподавателя, удивившую их.

— Просится в гости? Миллер? Ну, до лета ещё... Такая же фамилия была у доктора, что ногу мою лечил, любил очень молочко нашей козочки. Белкой, кажется, звали. Помнится, строго по расписанию, и не сырое и не кипячёное, а специально нагретое до... не помню сколько градусов. Столько, чтобы не кипело. Наверное, они родственники.

— А студенту, пока на каникулах, не погано было бы эту бэль про козу записать,— отец привычно и широко водил опасной бритвой по натянутому широкому ремню.— Написанное остаётся. Изложи о спасшей всю семью от немецкой гранаты своим молоком и тем давшей вам с Галкой родиться после войны и так далее. И добавь, шо если вдруг у кого-то из потомков возникнет зуд сочинить фамильный герб, то чтобы был он с белой козой непременно.